

Старый гений — эпизод 2 из 4

Там и доступ труднее и разговору меньше, да и отвлеченнее.

Говорят: Да где он? о нем доносят, что его нет!

Помилуйте, плачет старушка, да я его всякий день на улице вижу он в своем доме живет.

Это вовсе и не его дом. У него нет дома: это дом его жены.

Ведь это все равно: муж и жена одна сатана.

Да это вы так судите, но закон судит иначе. Жена на него тоже счета предъявляла и жаловалась суду, и он у нее не значится... Он, черт его знает, он всем нам надоед, и зачем вы ему деньги давали! Когда он в Петербурге бывает он прописывается где-то в меблированных комнатах, но там не живет.

А если вы думаете, что мы его защищаем или нам его жалко, то вы очень ошибаетесь: ищите его, поймайте, это ваше дело, тогда ему вручат.

Утешительнее этого старушка ни на каких высотах ничего не добила, и, по провинциальной подозрительности, стала шептать, будто все это оттого, что сухая ложка рот дерет.

Что ты, говорит, мне ни уверяй, а я вижу, что все оно от того же самого движет, что надо смазать.

Пошла она мазать и пришла еще более огорченная. Говорит, что прямо с целой тысячи начала, то есть обещала тысячу рублей из взысканных денег, но ее и слушать не хотели, а когда она, благоразумно прибавляя, насулила до трех тысяч, то ее даже попросили выйти.

Трех тысяч не берут за то только, чтобы бумажку вручить! Ведь это что же такое?... Нет, прежде лучше было.

Ну, тоже, напоминаю ей, забыли вы, верно, как тогда хорошо шло: кто больше дал, тот и прав был.

Это, отвечает, твоя совершенная правда, но только между старинными чиновниками бывали отчаянные доки. Бывало, его спросишь: Можно ли? а он отвечает: В России невозможности нет, и вдруг выдумку выдумает и сделает. Вот мне и теперь один такой объявился и пристает ко мне, да не знаю: верить или нет? Мы с ним вместе в Мариинском пассаже у саечника Василья обедаем, потому что я ведь теперь экономлю и над каждым грошем трясусь горячего уже давно не ем, все на дело берегу, а он, верно, тоже по бедности или питающийся... но преубедительно говорит: дайте мне пятьсот рублей я вручу. Как ты об этом думаешь?

Голубушка моя, отвечаю ей, уверяю вас, что вы меня своим горем очень трогаете, но я и своих-то дел вести не умею и решительно ничего не могу вам

посоветовать. Расспросили бы вы по крайней мере о нем кого-нибудь: кто он такой и кто за него поручиться может?

Да уж я саечника расспрашивала, только он ничего не знает. Так, говорит, надо думать, или купец притишил торговлю, или подупавший из каких-нибудь своих благородий.

Ну, самого его прямо спросите.

Спрашивала кто он такой и какой на нем чин? Это, говорит, в нашем обществе рассказывать совсем лишнее и не принято; называйте меня Иван Иванович, а чин на мне из четырнадцати овчин, какую захочу, ту вверх шерстью и выворочу.

Ну вот видите, это, выходит, совсем какая-то темная личность.

Да, темная... Чин из четырнадцати овчин это я понимаю, так как я сама за чиновником была. Это значит, что он четырнадцатого класса. А насчет имени и рекомендаций прямо объявляет, что насчет рекомендаций, говорит, я ими пренебрегаю и у меня их нет, а я гениальные мысли в своем лбу имею и знаю достойных людей, которые всякий мой план готовы привести за триста рублей в исполнение.

Почему же, батюшка, непременно триста?

А так уж это у нас такой прификс, с которого мы уступать не желаем и больше не берем.

Ничего, сударь, не понимаю.

Да и не надо. Нынешние ведь много тысяч берут, а мы сотни. Мне двести за мысль и за руководство да триста исполнительному герою, в соразмере, что он может за исполнение три месяца в тюрьме сидеть, и конец дело венчает. Кто хочет пусть нам верит, потому что я всегда берусь за дела только за невозможные; а кто веры не имеет, с тем делать нечего, но что до меня касается, прибавляет старушка, то, представь ты себе мое искушение: я ему почему-то верю...

Решительно, говорю, не знаю, отчего вы ему верите?